

Глава 2. Этот чиновник предпочитает молодых

В ветхом городе Сяцзинь располагалось столь же ветхое уездное управление — ямэнь. Его передняя часть состояла из главного зала, зала для совещаний и других служебных помещений, а также казарм для стражников; задняя же часть была резиденцией уездного судьи, то есть новым домом для молодого чиновника.

Узнав о прибытии уездного судьи, писари и стражники вышли его встречать, но выглядели они жалкой и разрозненной толпой. Еян Цы, сойдя с повозки, окинул их взглядом и, не увидев среди встречающих никого в одеждах сяньчэна или чжубу, понял, что этот выпад был направлен прямо на него.

Сяньчэн и чжубу, будучи низшими по рангу представителями власти, считались его правой и левой рукой: один помогал в управлении, отвечая за сельское хозяйство и налоги, другой — за население и учёт дворов. Теперь же эти «руки» обернулись местными змеями, решившими с порога нанести удар новому начальнику.

Еян Цы лишь усмехнулся. Стоя на скамеечке для спуска, он спросил у архивариуса Цзян Оу:

— Сяньчэн Го Саньцай и чжубу Хань Хань, полагаю, происходят из местных знатных семей?

Тот почтительно кивнул:

— Вы правы, господин. Фамилии Го и Хань — два крупнейших клана в уезде. У них есть собственность и частные земли как в городе, так и за его пределами, а их предки некогда дослуживались до чинов третьего ранга.

— Раз так, то в этих двух кланах и сейчас, должно быть, немало молодых талантов?

— Действительно, выдающихся личностей хватает: есть и уездные студенты, и обладатели степеней сюцай и цзюйжэнь, и даже те, кто служит под началом командира гарнизона.

Еян Цы сошёл на землю и уверенно прошёл сквозь толпу подчинённых, на лицах которых читалась целая гамма скрытых мыслей. Собеседник следовал за ним по пятам.

Все услышали, как новый уездный судья громко провозгласил:

— Дяньши Цзян, отправляйся вместе с уездным наставником Чэнь Пином к главам кланов Го и Хань и передай им следующее... Этот чиновник, новоприбывший на службу, для скорейшего ознакомления с делами уезда непременно должен посоветоваться с такими уважаемыми и добродетельными мужами, как они. Пусть выберут время в ближайшие два дня и приведут с собой молодых талантов из своих семей.

Он обернулся к застывшим чиновникам:

— Я, знаете ли... предпочитаю молодых. Талантливых, красивых и сильных юношей. Сяньчэн Го и чжубу Хань уже в летах, память у них наверняка не та. Пожалуй, я направлю донесение в Министерство чинов, чтобы они поскорее отправились домой наслаждаться покоем, а заодно и дорогу своим потомкам уступят. Это, как говорится, новые волны Янцзы подгоняют старые, не так ли?

Архивариус от такой неслыханной дерзости потерял дар речи.

«Радуются приходу нового, кто же будет плакать по старому...»

Почему-то эта фраза пронеслась у него в голове. Испугавшись собственных мыслей, он потрянул головой и коротко ответил:

— Да, господин.

Еян Цы, шаг за шагом поднимаясь по ступеням ямэня, остановился и обратился к стоявшим внизу людям:

— У меня болит горло, так что длинных речей перед толпой не будет. Все вы, в соответствии с вашими должностями, от высших к низшим, по одному заходите в зал совещаний для личной беседы.

Он взмахнул широким рукавом и скрылся за дверями, оставив на площади растерянных служителей, недоумённо переглядывающихся друг с другом.

— Дяньши Цзян, — тихо спросил Чэнь Пин, — мы действительно должны идти к главам кланов и передавать им эти слова? Если сяньчэн Го и чжубу Хань узнают, не обернётся ли это...

Цзян Оу хитро прищурился:

— Уездный судья, едва прибыв, уже радеет о нравах и просвещении, желает посоветоваться с мудрыми мужами о выдвижении талантов. Что же в этом предосудительного?

— Пожалуй, ничего. Тогда идём прямо сейчас?

Хоть архивариус и не имел официального ранга, он отвечал за порядок во всём уезде. Опасаясь, что какие-нибудь безрассудные наглецы могут оскорбить молодого судью, он повернулся к патрульному инспектору:

— Тан Шицзин, ты войдёшь первым на беседу, а после будешь стоять на страже у дверей.

Инспектор лишь равнодушно хмыкнул в ответ. Цзян Оу знал его суровый и нелюдимый нрав, поэтому не принял это за неуважение. Тан Шицзин был выдающимся мастером боевых искусств и опорой правопорядка в Сяцзине, так что на некоторую грубость его манер начальство закрывало глаза.

В зале совещаний юный Ли Тань, проявив сообразительность, заранее заварил для своего хозяина цветочный чай и налил чашку, чтобы та немного остыла. Еян Цы сел, отпил несколько глотков, пытаясь прочистить горло, но неприятное першение не проходило.

Вошёл Тан Шицзин, чётко поприветствовал судью и замер.

Еян Цы с интересом смерил его взглядом:

— Сюньцзянь Тан?

Тот быстро вскинул глаза на сидящего за столом. Его взгляд на мгновение задержался на лице господина, а затем — на его длинных пальцах, сжимавших чашку. На миг инспектор словно растерялся, и голос его зазвучал чуть мягче:

— Уездный судья знает обо мне.

— По дороге сюда, от нечего делать, я пролистал летописи Сяцзиня и отчёты за последние годы, так что в общих чертах знаком с обстановкой, — Еян Цы поставил чашку. — Вы прибыли сюда в прошлом году и за полгода раскрыли более десяти дел, поймав почти сотню разбойников. Результаты впечатляющие, вы человек незаурядный.

— Господин преувеличивает, — без тени волнения отозвался мужчина. — Я исполняю свой долг лишь ради жалования и наград.

За поимку опасных преступников действительно полагались щедрые выплаты напрямую из казны. Еян Цы присмотрелся к нему повнимательнее: на вид лет двадцать шесть, высокий, с поджарой и крепкой фигурой. На переносице виднелся неглубокий шрам, во взгляде читалась сдержанная острота, а губы были сжаты в тонкую холодную линию.

«Словно леопард, чуждый человеческих чувств»

Мысленно заключил судья и улыбнулся:

— Кто хорошо работает, тот должен хорошо получать. Это справедливо. В таком случае, желаю вам, сюньцзянь Тан, несметных богатств.

Инспектор сложил руки в знак уважения и развернулся к выходу. Сделав пару шагов, он вдруг остановился, достал что-то из-за пазухи и резким движением бросил в сторону стола.

Ли Тань, как раз подливавший чай, от неожиданности вскрикнул. Однако Еян Цы среагировал молниеносно: он выбросил руку вперёд и поймал предмет в паре цуней от фарфорового чайника.

В его ладони лежал круглый плод размером с кулак, покрытый коричневой высушенной кожурой.

— Это плод архата, особенность моей родины в Гуанси. В других местах его не сыскать. Он очищает лёгкие и успокаивает горло, как раз то, что нужно господину, — снова сложив руки, Тан Шицзин на этот раз ушёл не оборачиваясь.

Слуга возмущённо засопел:

— Какой неотесанный! Если уж даришь лекарство, мог бы просто положить его на стол! Чуть не разбил любимый исинский чайник хозяина!

Еян Цы поднёс подношение к лицу, вдохнул аромат и негромко заметил:

— Он не неотесанный. Он дерзкий и неукротимый.

Видя, что судья разламывает сухой плод и бросает кусочки в воду, мальчик попытался его остановить:

— Хозяин, нельзя пробовать подношения от малознакомых людей! Мало ли что там внутри!

— Ничего, попробуем, — усмехнулся Еян Цы. — Если там яд, поищем противоядие.

Ли Тань в отчаянии всплеснул руками:

— Хозяин, вы...

Еян Цы ловко забросил один из кусочков прямо в открытый рот слуги:

— Раз уж ты так волнуешься, помоги мне проверить это на яд.

Мальчик со слезами на глазах принялся жевать. Сделав несколько движений челюстями, он вдруг замер и шмыгнул носом:

— Сладкий... И пахнет хорошо.

Выйдя из зала, Тан Шицзин заметил в коридоре нескольких писарей, оживлённо шептавшихся между собой. Он хотел пройти мимо, но один из чиновников окликнул его:

— Сюньцзянь Тан, ну как? О чём спрашивал новый судья? Поделись секретом, а мы тебя вином угостим.

Сначала инспектор хотел проигнорировать их, но внезапно в нём проснулось лукавство. Он остановился и с самым серьёзным видом произнёс:

— Господин спрашивал, сколько мне лет, какой вес я могу поднять над головой и долго ли смогу махать копьём в бою.

— Что?!

— Зачем это ему?..

— Разве вы не слышали? Господин ведь сам сказал, что предпочитает молодых и сильных юношей.

— Ох!

Довольный своей шуткой, Тан Шицзин удалился, не дожидаясь продолжения. Приказ стоять на страже он счёл лишним: этот господин Еян, хоть и обладал лицом весеннего цветка и статью нефритового дерева, при необходимости, пожалуй, мог бы голыми руками завалить тигра в окрестных горах.

Уже во внутреннем дворе внимание инспектора привлек шум. Он обернулся и увидел, как некий молодой чиновник, пошатываясь, вывалился из дверей с огромным синяком на скуле.

В кабинете Ли Тань, засучив рукава, всё ещё кипел от ярости:

— Что за бесстыжий пёс! Как он посмел хвастаться перед хозяином своим «мужским достоинством»! Жаль, я его этой скамейкой слабее приложил, чем следовало!

Еян Цы, сохранив полную невозмутимость, налил себе чаю с плодом архата:

— Он, видимо, возомнил себя новым Лао Аем, но здесь уездный ямэнь, а не дворец удовольствий.

В чашку, наполненную кипятком, взметнулась белая пена. Сяньчэн Го Саньцай привычным движением смахнул её крышечкой.

Напротив него сидел Хань Хань. Отослав принесшего новости писаря, он нахмурился:

— Этот новый судья не так прост... Еян? Фамилия не из знатных, в столице заступников с таким именем тоже не припомню. Откуда же у мальчишки такая хватка?

Го Саньцаю было уже за сорок, седина тронула его виски, а ухоженная борода придавала ему облик мудрого даоса. Он ритмично постукивал крышечкой по краю чашки, извлекая чистый фарфоровый звук.

— За девять лет в Сяцзине сменилось три судьи, а наши кланы стоят непоколебимо уже десятилетия. Как говорится, казарма остаётся, а солдаты приходят и уходят.

Его коллега, бывший на несколько лет моложе, обладал костлявым лицом с заметной родинкой на подбородке. Сейчас его черты исказила злоба:

— Сегодня мы устроили ему холодный прием, надеясь припугнуть юнца, чтобы он понял, кто здесь хозяин, и впредь во всем на нас полагался. Но он и бровью не повел! Если бы он просто впал в ярость, было бы легче — мы бы быстро показали ему, что значит сопротивление на местах. Но этот хитрец, не вступая в открытую ссору, пустил слух о продвижении нашей молодежи! Брат Го, как нам теперь быть?

— Он решил сыграть на опережение. Боюсь, главы наших кланов, услышав это, действительно захотят «обновить кровь» и поддержат Го Сысяна, Хань Лумина и прочих юнцов, — Го Саньцай в раздумье погладил бороду и вздохнул. — На сегодня хватит. Завтра с утра отправимся к нему с официальным визитом.

— Неужели мы так просто склоним головы? — возмутился Хань Хань. — Один раз уступим, и он будет помыкать нами до конца срока!

— Необязательно, — холодно ответил Сяньчэн Го. — Юноши честолюбивы. Если не получилось запугать — будем превозносить. Помни: чем выше поднимешь, тем больше будет падать.

Чжубу на миг задумался, а затем хитро хихикнул:

— И то верно.

Он поправил фитиль масляной лампы, и огонек заплясал ярче.

Вскоре такие же огоньки затрепетали в руках стражников. Во дворе ямэня один за другим

зажигались фонари, висевшие на высоте трех чи над землей и едва освещавшие каменные тропы.

Еян Цы, закончив ужин, взглянул на мерцание огней во дворе и распорядился:

— Цзян Оу, чжубу сейчас отсутствует, так что ты сам собери писарей. Пусть немедленно принесут из архива жёлтые и белые реестры, а также «Карты рыбьей чешуи» за последние девять лет.

Дяньши опешил:

— Господин хочет лично проверить данные о населении, землях и налогах? За все девять лет?! Это же колоссальный труд. Может, стоит сначала отдохнуть пару дней, а потом позволить чиновникам постепенно подготовить выписки?

Еян Цы смерил его пронизательным взглядом:

— Если я подожду, увижу ли я в этих книгах хоть слово правды?

Цзян Оу осекся. Он вспомнил своего прежнего начальника, который сбежал из уезда так быстро, что даже не передал печать, сославшись на внезапную болезнь. Все в управлении знали, что истинной причиной был страх перед проверкой.

Глядя на молодого судью, архивариус почувствовал невольное восхищение и, отбросив хитрость, сказал прямо:

— Господин Еян, послушайте моего совета. Говорят, власть императора не заходит дальше стен уезда. Здесь вы — само небо, единственный закон и «местный царь». Вам достаточно лишь соблюдать интересы кланов Го и Хань, и ваша жизнь превратится в сказку. Наш ямэнь с виду ветхий, но кошельки ваших предшественников никогда не пустовали. Зачем вам лишние хлопоты?

Еян Цы некоторое время молчал, а затем тихо, с заметной хрипотцой в голосе, произнёс:

— А как же народ?

Он поднял глаза на собеседника:

— У знати свои интересы, у судьи — свой доход. Но что остается народу?

Цзян Оу лишь растерянно пробормотал:

— Но... таков уж порядок вещей в этом мире...

— Этот мир не должен быть таким! — Еян Цы с силой ударил ладонью по столу.

Дяньши вздрогнул. Он посмотрел на свои пальцы, испачканные в чернилах, на добротную ткань своих рукавов. Его жалование в тридцать лянов серебра казалось крохами по сравнению с богатством кланов, но для простых крестьян он был недостижимым господином.

Он считал себя «рабочим скотом» ямэня, но люди на улицах в страхе уступали ему дорогу, не смея поднять глаз. Его собственные предки были такими же пахарями, которых мог безнаказанно унижить любой конюх из управы.

Он привык быть покорным с сильными и изворотливым с равными, а его юношеская мечта «служить народу» давно превратилась в пепел.

Но этот юноша перед ним утверждал: всё должно быть иначе.

Каким же тогда станет уезд Сяцзинь под его началом через три года? Через десять лет? Если была хоть малейшая надежда увидеть эти перемены, Цзян Оу был готов ждать.

Его глаза покраснели от подступивших чувств, и он глухо произнёс:

— Я сам прослежу за тем, чтобы вам доставили подлинные книги из архива. Обещаю, господин, никакой лжи.

Еян Цы одобрительно кивнул:

— Иди, Бочжоу.

Услышав свое второе имя из уст судьи, Цзян Оу почувствовал, как в сердце разливается странное спокойствие. Он вытер уголки глаз, низко поклонился и вышел.

<http://bllate.org/book/15875/1436551>